

Ценностная специфика хронотопа советского и российского женского иллюстрированного журнала (на примере журналов «Советская женщина» и «Крестьянка»)

Феномен женского иллюстрированного журнала для современной репрезентативной культуры не является чем-то новым и исключительным. Первые женские журналы в России появились еще до революции 1917 года, к таким изданиям относились: «Русское богатство», «Нивы», «Столица и усадьбы», «Домострой» и другие. Эти журналы формировали вокруг себя воображаемое сообщество женщин русской дворянской знати, городской и сельской аристократии, нарождающейся буржуазии, их читали светские дамы, барышни, курсистки и модистки. В начале XX века под влиянием идей феминизма и Пролеткульта возникают журналы, обращенные к работающим женщинам: 8 марта 1914 года считается датой основания журнала «Работница», в июне 1922 года был основан журнал «Крестьянка». Когда в 1945 году вышел первый номер журнала «Советская женщина», он должен был представлять жизнь советской женщины со всеми достижениями и победами для зарубежного читателя. В поздней советской культуре женские журналы были в первую очередь общественно - политическими и литературно - художественными иллюстрированными изданиями. К ним принадлежали всенародно любимые и читаемые «Советская женщина», «Работница» и «Крестьянка», которые объединяли вокруг себя большую часть читающей женской аудитории.

От начала своего существования женский иллюстрированный журнал осознавался издателями и редакторами как агент определенного идеологического влияния. Формируя сознание советской женщины, журнал выполнял воспитательно-пропагандистские функции и в отношении мужчин, детей и стариков. Через журнальные тексты и иллюстрации осуществлялась трансляция ведущей системы ценностей и внедрение ее в сознание воспринимающих.

Одним из механизмов формирования определенного аксиологического образа мира было создание в пространстве журнала (тексте и визуальности) определенного в своих параметрах ценностного хронотопа. Иллюстрированный журнал, обращаясь к женщинам-читателям как некий коллективный авторский голос-текст, формировал свой собственный хронотоп бытия (М.М.Бахтин): особое соотношение пространства и времени, при котором «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем¹.

Хронотоп глянцевого журнала является перекрестным: мир одновременно представлен и как в газете (событие и дата) – социальный

хронотоп, и как в романе (полифоническое повествование – Life Still & Life Story) – художественный хронотоп. В результате перекрещивания социального и художественного хронотопа, в специфическом журнальном пространстве-времени действующий индивид дан себе не в собственной телесной обусловленности, а в над-личностной ценностно-смысловой значимости. Перекрестный хронотоп глянцевого журнала позволяет читателям осваивать мир социально-значимых ценностей (социальный хронотоп) как мир внутри-личностных событий и переживаний (романный хронотоп). В журнальном тексте, объединяющем газетный и романный хронотоп, читатели и читательское сообщество и социализируются, осваивая и присваивая общественные ценности и нормы, и индивидуализируются, находят свою особость и необычность, формируют мир личностных ценностей, обнаруживают себя как субъекта социального действия.

Действие перекрестного журнального хронотопа (роман-газета) является многоуровневым: от уровня онтологических представлений о пространстве и времени, через уровень гносеологических представлений: о возможностях познания и преобразования жизненного мира, о законах и способах понимания, трансляции и сохранения информации, к уровню аксиологическому – ценностно-содержательному, разговору о важном и значимом, дорогом и смыслообразующем.

Хронотоп как единство представлений о пространстве-времени задает определенные онтологические параметры образа мира, формируемого журналом. В советских журналах мир был замкнутым – в пределах молодой советской страны (невозможность свободного перемещения по географической карте рождала страстное желание прорыва в космос), пространство было ценностно-маркированным, и положительно ценностное пространство было географически определенным: Советская Республика, Советская Россия, Советский Союз. Через фиксацию в географическом названии политической организации власти, основополагающие онтологические описания пространства изначально становились идеологическими. В то же время советские журналы репрезентировали не только понимание политической карты мира и пространства «одной шестой части суши» на Земле, но и пространства «малой родины» - той местности и того дома, где человек родился и вырос. Многоуровневость пространства, в которое журнал вовлекал читателя, приводила к тому, что читатель ощущал себя причастным как событиям мирового масштаба, так и тем событиям, которые происходили в повседневной жизни советских людей. Таким образом, через способы моделирования онтологических представлений о времени и пространстве, хронотоп глянцевого журнала несет на себе закономерности не только художественно-иллюзорного, но и социального пространства и времени.

Журнальный хронотоп, фиксируемый советским иллюстрированным журналом формировался в результате специфичных соотношений пространственно-временной организации социального бытия, он был

укоренен в специфических характеристиках социального времени, которое «фиксирует устойчивость социальных форм как их воспроизводимость», и социального пространства, которое «представляет движение человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов их жизненного процесса, в формах их непосредственно совместных взаимодействий»ⁱⁱ

Социальное время и пространство для советского журнала «являются исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий», «они постоянно действуют на уровне бытия социальных индивидов как условия связанности, непрерывности, организованности социального процесса. Иначе говоря, они оказываются социальными связями, кооперирующими последовательности и сочетания человеческих сил, действий и их воплощений»ⁱⁱⁱ.

Специфику социальных связей в советской культуре 50-х -90-х годов в полной мере воплотил журнал «Советская женщина». Иллюстрированный ежемесячный журнал «Советская женщина»^{iv} был одним из первых специализированных «женских» журналов в СССР. Он был основан в 1945 году учредителем – Комитетом советских женщин и коллективом редакции. Издавался в издательстве ЦК КПСС «Правда» и был общественно-политическим и литературно-художественным журналом, издававшимся на русском, английском, бенгали, испанском, китайском, немецком, финском, и хинди языках.

Журнал, его редакция поддерживали связи с Международной демократической федерацией женщин, проводя и пропагандируя идеи международного женского движения. На страницах журнала неоднократно выступали его активные участницы, видные деятели международного женского движения: Эжени Коттон (Франция), Д. Ибаррури (Испания), Д. Уэлтфиш (США), Фатима Ахмед Ибрагим (Судан), Бригитта Триммс (Германия), Элизабет Рен (Финляндия), Индира Ганди (Индия), Калплата Пандей (Индия) и другие.

Кроме того, журнал являлся официальной трибуной Комитета Советских женщин, в каждом номере обязательно размещая деловую, официальную информацию о работе КСЖ, об участии его руководителей в съездах народных депутатов, заседаниях ЦК КПСС или партийных съездах, заседаниях ЦК ВЦСПС или съездах профсоюзов.

Журнал занимался разносторонним просвещением женщин по проблемам женского движения, публиковал статьи об истории и деятелях Международной демократической федерации женщин, об истории и разновидностях феминизма, об истории Комитета советских женщин и его выдающихся участницах. Обращаясь к советской женщине, он включал в круг воображаемого сообщества читательниц-собеседников из всех стран мира, где было развито женское движение, и прежде всего из социалистических и развивающихся стран, а также из тех стран Запада, где женские проблемы ставились наиболее остро как проблемы политические.

Сознательно занимаясь формированием советской женщины как гражданина и самостоятельной гармонично-развитой личности, журнал много внимания уделял проблемам законодательства по вопросам, касающимся женщин и детей, вопросам экономики - разновидностям льгот и размерам пособий для работающих женщин, для вдов ВОВ, для матерей одиночек и других социально незащищенных категорий, порядке приема на работу и увольнения с работы, длительности рабочего дня, выходных дней и многом другом. Проблемы социальной защиты женщины на производстве и в семье рассматривались как первостепенные не только на уровне законодательства, но и реальной практики деятельности женсоветов и других объединений женщин на местах.

Просвещение женщины шло не только по юридическим и экономическим вопросам, журнал публиковал разнообразную информацию о русской культуре и истории, знакомил с выдающимися женщинами из сферы искусства и культуры, показывал на реальных жизненных примерах, каким образом можно достичь вершин в профессиональном или любительском художественном творчестве.

Огромную роль на страницах журнала имели репортажи из глубинки о разнообразных житейских подвигах советских женщин. Это репортажи о вдовах ВОВ, сохранивших верность своим мужьям и женихам, в одиночестве воспитавшим послевоенное поколение детей и поднявших страну из послевоенной разрухи, и о женщинах - воинах ВОВ. Репортажи о доярках и колхозницах, о работницах химических и нефтеперерабатывающих комбинатов, и других советских труженицах, тяжелым физическим трудом создающих богатство страны и тепло родного очага. Это репортажи о женщинах-врачах, открывающих новые методики родовспоможения, лечения детей и женщин, и женщинах-педагогах, посвятивших свою жизнь детям. Это репортажи о спортивных и интеллектуальных подвигах женщин-спортсменок и женщин-ученых. Рассказывая о той или иной героине, авторы статей всегда стремились показать женскую мудрость, нравственную высоту и силу воли и характера своей героини.

Большое место журнал уделял морально-нравственным вопросам в жизни женщины и семьи. В 1990 и 1991 годах, когда стали рушиться официальные государственные ценности, журнал провел на своих страницах дискуссию «Женщина и нравственность», начатую писателем В. Распутиным статьей в № 4 за 1990 год. В этой дискуссии приняли участие как рядовые читательницы и читатели журнала, так и социолог Галина Силласте, Нина Велехова, профессор С. М. Рябых, кинодокументалист Н. Пороховников, профессор Калплата Пандей (Индия). Итог был единодушным – женщина является хранителем и гарантом общественной и личной нравственной стойкости.

Под влиянием времени в 1990-х годах в журнале появились рубрики по астрологии Тамары Глобы, по хиромантии, по колдовству и чародейству (нужно сказать, что все советы имели отчетливо нравственно-

положительный характер, и были направлены на сотворение добра следование семейному и материнскому долгу и добродетели).

Всесторонне формируя духовный мир женщины, журнал не упускал из внимания вопросы моды и красоты. Читательницам предлагались фотографии коллекций одежды ведущих домов моделей СССР и модельеров-любителей, давались технологические описания создания вязанных и шитых изделий, рассказывалось о мастерах батика и бисероплетения, кружевоплетения и макроне, вышивки крестом и гладью и других художественно-декоративных техниках. В некоторых номерах давались советы по уходу за кожей лица, по принятию солнечных ванн, по восстановлению привлекательности женской фигуры, но всегда подчеркивалось при этом, что главное в женщине – это ее духовная красота и душевная щедрость.

Вместе с тем мы должны отметить, что, не смотря на то или иное количество фотоиллюстраций, цветных разворотов и фоторепортажей, женские и молодежные журналы советской эпохи являлись журналами для чтения: общественно-политическими и художественно-публицистическими изданиями. Основное идейное содержание этих журналов транслировалось при помощи письма. Письмо приучало читательниц к восприятию идей в последовательности, сверхчувственности (отделенности от вещей) и умозрительности. Письмо как основное содержание журнального хронотопа настраивало читательниц на восприятие процесса чтения аналогично процессу конституирования идей в действительность, что позволяло мыслительные сущности (идеальные по своей природе) выдавать за реалии обыденной жизни, протекающей в соседнем поселке. Письмо позволяло сделать мир мечты и грезы в восприятии читательниц воспринимаемым как мир реальности. Поэтому идеологически ориентированным женским журналам удавалось со своих страниц убедить женщин в том, что их условия жизни и работы, их образ жизни являются оптимальными, и в том, что они являются не только строителями коммунизма, но теми людьми, кто счастлив жить при развитом социализме

Журнал «Советская женщина», являясь официальным репрезентационным изданием, сознательно формировал образ женщины и образ жизни советской женщины в духе умеренного феминизма: отстаивал равенство прав и социальную защиту женщин и детей, пропагандировал особую духовную миссию женщины в обществе. Формирующееся вокруг советских женских журналов воображаемое сообщество включало в себя всю женскую читающую аудиторию не зависимо от возраста, места проживания, профессии или социального происхождения. Девочки, девушки, взрослые дамы и бабушки – пенсионерки одинаково находили нужную и полезную информацию в этих журналах. Поэтому воображаемое сообщество, формируемое этим журналом включало в себя не только российских читательниц, но и читательниц за рубежом, создавало иллюзию общности женских проблем и женских судеб в СССР и за его пределами.

Однако поскольку журнал «Советская женщина» формировал и внедрял в женское сознание ценности не только партийно-идеологические, но и общечеловеческие, то исподволь оказывал не только просветительское, но и революционизирующее сознание действие. Роль женских журналов в воспитании людей и в обновлении сознания советских граждан, особенно в эпоху перестройки была огромна, о чем свидетельствуют материалы исследований о роли масс-медиа в культуре перестройки⁵.

Сегодня индустрия глянцевого журналов является одним из наиболее ярких и наглядных проявлений специфических социальных связей эпохи глобализации и печатного капитализма. Международные и российские женские журналы существуют во множестве наименований, охватить которые в целом трудно даже самому заинтересованному читателю. Поэтому мы остановимся на том издании, которое пришло к нам из советской культуры, но существует сегодня в новых социальных условиях и транслирует новые модели хронотопа.

Журнал «Крестьянка» - советский общественно-политический и литературно-художественный журнал, предназначенный изначально преимущественно для сельских женщин. Издаётся в Москве с июня 1922 года и выходит ежемесячно. В советский период своего существования «Крестьянка» рассказывала о трудовой и общественной деятельности женщин села, публиковала очерки, статьи и корреспонденции по вопросам морали, о работе дошкольных детских учреждений, воспитании детей в семье и школе, о новом быте и культуре на селе, печатала советы по домоводству. На страницах журнала выступали М. И. Калинин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. И. Ульянова-Елизарова, А. В. Луначарский, авторами «Крестьянки» были М. Горький, Д. Бедный, А. С. Серафимович, А. С. Неверов, А. Т. Твардовский и многие другие советские писатели. «Крестьянка» имела широкий актив женщин-селькоров и печатала большое количество материалов из жизни российской глубинки. Журнал был красочно иллюстрирован. К каждому номеру прилагалось бесплатное приложение уроков кройки и шитья, вязания, моды и стиля, красоты, кулинарии, домоводства. Первый номер «Крестьянки» вышел тиражом 5 тыс. экземпляров, а в 1973 году тираж составил 6 млн. 300 тыс. экземпляров. В 1972 журнал «Крестьянка» был награжден орденом Ленина.

В конце 2005 года «Крестьянка» вошла в состав Издательского Дома Родионова. По материалам сайта ИДР тираж журнала – 151340 экземпляров, читательская аудитория в России – 841,3 тыс. человек, читательская аудитория в Москве – 196 тыс. человек. По подписке журнал получают 52 000 человек. Сегодня «Крестьянка» доступна читателям в 88 регионах России - наибольшей популярностью пользуется на Урале, в Сибири, и на Юге России, в ближнем зарубежье - на Украине и в Белоруссии, а также в Германии и Испании. Ядро читательской аудитории составляют семейные женщины от 25 до 55 лет. По популярности «Крестьянка» входит в пятерку ведущих глянцевого журналов для женщин, приобретаемых в России.

"Крестьянка" традиционно является журналом «долговременного чтения», многие читатели хранят номера журнала за несколько лет. Аудитория журнала лояльна, интерактивна и находится в живом контакте с изданием – ежедневно редакция получает до 100 писем со всей России.

До 2008 года журнал включал такие разделы и рубрики как: "От сердца к сердцу", где шел уравновешенный, задушевный разговор об искусстве жить счастливо и разумно, публиковались интервью с известными российскими деятелями культуры, актерами, певцами, писателями, художниками, спортсменами, политиками; "Мир и Мы", где размещались материалы о зарубежных звездах, о путешествиях в разные страны, об особенностях туристических маршрутов; «У людей» это был раздел о жизни российской провинции, в котором душевность и доброта самых обычных людей – не звезд, не знаменитостей, а наших с вами соседей были в центре внимания. В рубрике «Эксперт» давались комментарии по самым острым и актуальным вопросам, которые задают в своих письмах читатели журнала. Раздел "Стиль" знакомил читательниц с новостями мировой моды, давал практические советы по созданию собственного имиджа доступными средствами, ориентировал в мире покупок. Модная съемка помогала создать неповторимые ансамбли на все случаи жизни. Раздел "10 стильных вопросов" содержал рассказы самых стильных женщин России о секретах своей привлекательности; рубрика "Красота"- давала информацию о самом полезном и нужном по уходу за собой, что особенно важно, говорила как стать неотразимой, не пользуясь услугами салонов красоты. В каждом номере был представлен раздел «Фитнес» с инструкторами лучших спортивных клубов России, объяснявших актуальные комплексы физических упражнений. Раздел "Школа для девочек" освещал первые шаги в искусстве быть женственной, давал ответы на вопросы, волнующие юных читательниц. Раздел "Самочувствие" пропагандировал идеи здорового образа жизни. Рубрика «Отношения» была пространством откровенного разговора о проблемах взрослой и детской психологии, семейных делах, искусстве слушать и понимать друг друга.

При таком наборе разделов и рубрик, определяющих хронотоп журнала, «Крестьянка» хоть и стал по своей внешней форме гляцевым - на соответствующей бумаге, склеенный, а не сшитый, с богатым визуальным рядом, с обширными рекламными вставками известных мировых брендов, по сути своей оставался журналом общественно-политической или социальной направленности. Материалы, предлагаемые его авторами, не уходили от проблем российской социальной реальности, а пытались их заострить и решать исходя из новых социальных условий.

Пространство журнала можно характеризовать по-разному. Пространство журнала «Крестьянка» - это не сообщество читательниц, живущих в сельской местности и занимающихся крестьянским трудом. Старое советское социально-классовое имя адресата для современного читателя является лишь знаком исторического советского происхождения

журнала и не более того. Журнал обращается к российским женщинам, представляющим самые разные социальные слои и интересы.

Социальное содержательное пространство журнала «Крестьянка» сегодня, образующее хронотоп - это пространство новых проблем, порождаемых постсоветской социальностью, которые непосредственно связаны с социальным благополучием семьи: проблемы безопасности детей, проблемы экономической стабильности семьи, проблемы, порождаемые отцовским или материнским алкоголизмом, это проблемы порождаемые перекосами корпоративности и приватности, проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем мужчины и женщины, проблемы сокращения продолжительности жизни, психологические проблемы адаптации к постоянно меняющейся системе ценностей.

Нам представляется, что «Крестьянка» 2000- 2005 годов - журнал, который пытался решать одновременно две различные содержательные задачи: быть социально заостренным, проблемным и информативным, и одновременно быть гляцевым, то есть в современной действительности семантических и семиотических загадок, пытался быть честным.

С 2008 года в журнале «Крестьянка» произошли серьезные структурные изменения: при сохранившемся объеме страниц сократилось количество разделов - ушли рубрики, посвященные актуальным социальным проблемам и остались историко-культурные: «Современники» со спецпроектом «Монастыри России», «Большая история» со спецпроектом «Музеи мира», и повседневно-эстетические: «Стиль», «Красота и здоровье», «Хозяюшка. Уютный дом». В результате таких структурных изменений журнал утратил связь с актуальным социальным хронотопом и стал пространством его небольшой части - художественной и эстетической культуры России и отдельно взятой семьи. Акцент на историко-культурные события и художественно-эстетические проблемы повседневности привел к тому, что журнал утратил связь также и с актуальным течением времени, обратившись прежде всего к истории стилей, красоты и духовности. Хронотоп сегодняшней «Крестьянки» - не просто иллюзорный, художественно-публицистический, а хронотоп иного пространства-времени это в отличие от советского периода хронотоп, Если советский хронотоп, в своей основе всегда имел социальные представления о пространстве и времени, их моделировал, и погружал в них читателя, вызывая у него иллюзии достоверности, то хронотоп сегодняшней «Крестьянки» не погружает в реальность, а уводит прочь от нее, моделирует иллюзорный хронотоп, избегая опоры на социальную реальность и социальный хронотоп, подменяет в отношении времени современность историей, а в отношении пространства: пространство современной России – пространством либо былой, либо внешней для России культуры и культурных событий: русских православных монастырей и храмов, малых исторических городов России (Углич, Плес и т.д.), дворянских усадеб или музеев мира. В силу обилия в журнале как фотоиллюстраций, так и

визуальных рекламных блоков, художественно-декоративных вставок журнал все больше становится изданием для просмотра, чем для чтения.

По словам М.Маклюэна, «мы переживаем момент взаимодействия конкурирующих культур», и наша цель проследить, каким образом формы социального опыта, духовного осмысления и самовыражения преобразовались под воздействием гляцевых журналов, и создаваемого на страницах журнала хронотопа. Конкурирующими культурами сегодня являются «журналы для чтения», существующие в рамках советской и до-советской письменной традиции, и «журналы для просмотра», появившиеся в России в конце 80-х – начале 90-х годов.

Как пишет М.Маклюэн, акустический мир чтения всегда эмоционально окрашен, в то же самое время как мир зрения является ценностно нейтральным. Акустический мир чтения рождает фанатическую приверженность своей социальной общности (советский народ или советские женщины), так как воспринимаемые при чтении тексты не только видимы глазу, но и проговариваются, артикулируются голосовыми связками, и воспринимаются ухом. Визуально зафиксированный печатный текст одновременно видится, слышится, проговаривается и запоминается. Все это, по мнению Маклюэна характеризует как письмо эпохи средневековья, так и советскую культуру, «озабоченную доступом к средствам массовой информации и результатам их деятельности»^{vi}. Поэтому привычный советской аудитории мир чтения включал в себя прежде всего художественные журналы и общественно-политические, такие как «Новый мир», «Юность» и «Огонек», которые и предопределили формирование новых ценностных ориентаций читающей-мыслящей-действующей части советского общества – поколения шестидесятников, политическим результатом деятельности которых явилась перестройка, крах СССР и становление новых политических и экономических реалий. «Чтение, - пишет М.Маклюэн, - подобно пению псалмов или письму – требует участия души и тела... оно вписывает священный текст в тело и душу»^{vii}

В то же время нейтральный ценностно мир зрения гляцевых журналов постперестроечной России, не только международных, но и российских, обусловил появление индивидов, лишенных чувства фанатической привязанности к социуму. Женщины, впервые открыв иллюстрированные яркие зарубежного образца журналы конца 80-х – начала 90-х годов, пережили настоящий аксиологический шок при столкновении письменной и визуальной культуры. По словам М.Маклюэна, этот шок закономерен, в силу того, что постсоветская женская аудитория, воспитанная на журналах для чтения столкнулась с новой для себя технологией репрезентации и восприятия мира - безписьменной визуальностью, или как называет эту ситуацию Маклюэн – постписьменностью (или пост-грамотностью) – *pre-literacy*^{viii}.

Культурный шок от лавины журнальной визуальности «вызывал к жизни новые соотношения чувств, устанавливаемые вследствие появления технологических аналогов глаза или уха, открыл человеку удивительный

мир, вызывающий к жизни доселе неизвестные ему модели взаимодействия всех чувств вместе взятых. Однако по мере того, как сообщество усваивает новые формы восприятия и адаптирует их ко всем областям своей жизнедеятельности, первоначальный шок постепенно проходит. Подлинная революция заключается в более поздней и продолжительной по времени корректировке, своеобразной подгонке личной и общественной жизни к новой модели восприятия, порожденной развитием технологии»^{ix}.

М.Маклюэн считал, что именно тот человек является современным и «цивилизованным», «для которого приоритетными в плане организации мышления и деятельности становятся визуальные ценности. Визуальное, - писал американский философ, - направляет живопись, поэзию, логику, историю в русло явно выраженного, единообразного и последовательного. «Неписьменные» формы или способы отображения действительности являются косвенными, одновременными и прерывающимися»^x.

М.Маклюэн ссылается на типологию личностных ориентацией Д. Рисмена. В книге «Одинокая толпа» он утверждает, что традиционному обществу соответствует традиционно-ориентированный тип личности, индустриальному обществу – изнутри ориентированная личность. Потребительское общество формирует извне-ориентированную личность, поведение которой определяется не традициями и принципами, а «другими» - разного рода влияниями, системой связей, модой, авторитарной бюрократией и т.п.

Метаморфоза советской читательницы глянцевого журнала, прошедшей этот путь от аудиального к визуальному по преимуществу способу общения с журналами и с миром вслед за западным человеком была достаточно болезненной. «Любая культура, основу которой образует фонетический алфавит, может легко воспитать привычку скрывать одну вещь «под» или «в» другой; это объясняется постоянным давлением действующего на подсознание представления о том, что письменный код доносит до читателя и позволяет ему переживать заключенное в речи «содержание». Вместе с тем в бесписьменных культурах мы не встречаем ничего подсознательного»^{xi}. Для советских читательниц это было тем более болезненно, что отказ от публичного слова и исповеди за годы советской власти сформировал устойчивую привычку закрытости внутреннего духовного мира и кладезей бессознательного. Отказ от доминанты внутренней жизни, переход к модели открытости в общении с людьми и в содержании своих мыслей был долгим и болезненным для старшего поколения, и более легким и доступным для младших поколений. Нужно было научиться вербализовывать и воспринимать мир не в семантически сложном высказывании передающим полифонизм внутреннего мира человека, а в краткой реплике, однозначно и беззастенчиво выплескивающей бессознательное.

Благоговейное отношение советского читателя к письменному слову как сакральному сыграло с читательницами «злую шутку». Читательницы, жаждущие читать, не утратившие еще потребность в слове, беря в руки

глянцевый журнал – вынуждены листать и рассматривать. Слово в журнале становится все более и более наглядно-иллюстрированным, оно принимает на себя не свойственные ему ранее функции: «письменное слово становится способом или средством перехода от аудиотактильного пространства «сакрального» неграмотного человека к визуальному пространству индивида цивилизованного, грамотного и «мирского».^{xii}

Переход от чтения советских журналов к разглядыванию постсоветских международных и российских журналов явился для воображаемого женского сообщества читательниц глянцевых журналов революционной сменой мировосприятия в целом: от восприятия мира в синхронности бытия, намерения и высказывания к восприятию мира в последовательности письма и результата.

ⁱ Бахтин М.М. Формы времени и пространства, хронотоп в романе.

ⁱⁱ Кемеров В.Е. Время социальное и пространство социальное. С.129-130.\\ Современный философский словарь. . Под. Ред. Проф. В.Е.Кемерова - М., Академический проект, 2004..

ⁱⁱⁱ Кемеров В.Е. Время социальное и пространство социальное. С.129-130.\\ Современный философский словарь. . Под. Ред. Проф. В.Е.Кемерова - М., Академический проект, 2004.

^{iv} Правкина И.А. Проблемы социального статуса женщин на страницах журнала "Советская женщина" (1960-1980 гг.) //Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С.45-77.

^v Михайлова Т. В постели с "Огоньком" (Визуальная репрезентация женщин в российских СМИ 1990-х годов) //Женщина и визуальные знаки. М., Идея-Пресс, 2000. С.144-151.

^{vi} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.54.

^{vii} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.169

^{viii} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.

^{ix} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.56.

^x М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.114

^{xi} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.140

^{xii} М.Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.С.143.